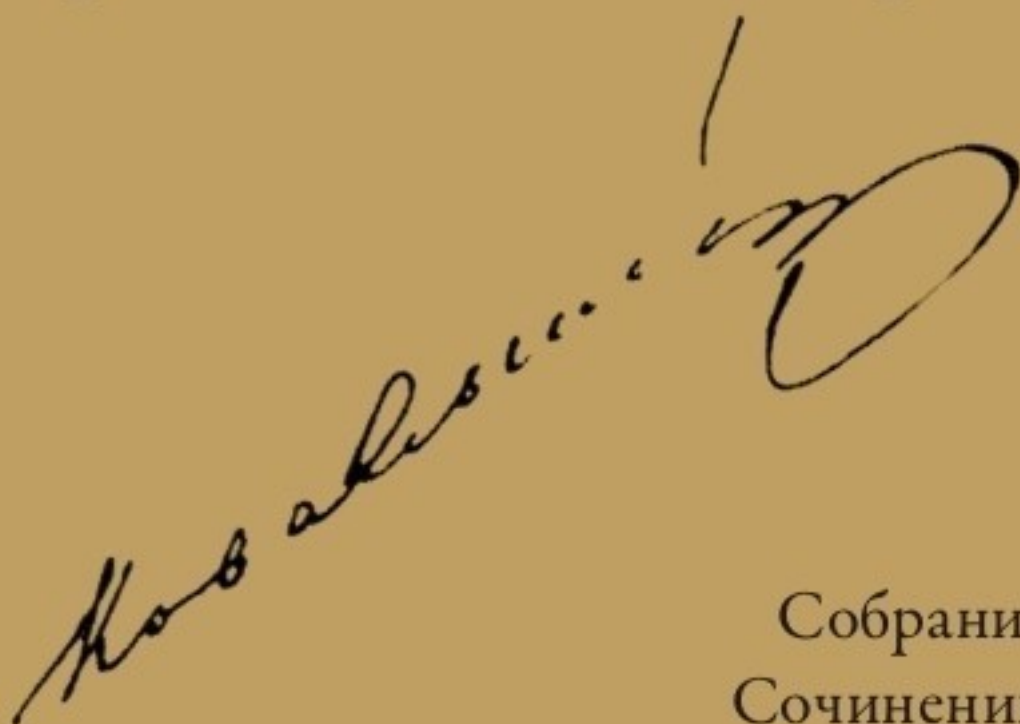

Ковалевский Е.П.

Граф Блудов и его время
(Царствование Александра I)

A handwritten signature in cursive script, reading 'Ковалевский' (Kovalevsky), written diagonally across the page.

Собрание
Сочинений
Том 6

Егор Ковалевский

**Собрание сочинений. Том
6. Граф Блудов и его время
(Царствование Александра I)**

«ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ»

1860

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

Ковалевский Е. П.

Собрание сочинений. Том 6. Граф Блудов и его время
(Царствование Александра I) / Е. П. Ковалевский —
«ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 1860

ISBN 978-5-9500068-6-9

Настоящая книга является заключительной в Собрании сочинений Ковалевского Е.П. (1809–1868), дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля. Это очерк о видном чиновнике XIX века Дмитрие Николаевиче Блудове (1785–1864), основные события первой половины жизни которого разворачиваются на фоне преобразований Александра I, восстания декабристов и последовавшей затем реакции. Издание оценят все, кто интересуется историей и пытается составить о ней свое собственное, непредвзятое мнение.

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

ISBN 978-5-9500068-6-9

© Ковалевский Е. П., 1860
© ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ, 1860

Содержание

От издателя	6
Введение	8
Глава первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Егор Петрович Ковалевский
Собрание сочинений. Том 6. Граф Блудов
и его время (Царствование Александра I)

© ООО «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 2018

От издателя

Книга «Граф Блудов и его время (Царствование Александра I)» вышла в 1866 году и вызвала широкий отклик у публики вопреки предсказаниям князя П.А.Вяземского (см. Приложение к настоящему тому), что книга «не будет иметь всенародной гласности, какой-нибудь журнальной статьи».

Почему и когда Егор Петрович решил написать очерк о Д.Н. Блудове, доподлинно нам не известно, возможно, смерть Дмитрия Николаевича в 1864 году и общение с его дочерью, фрейлиной Антониной Блудовой, желавшей сохранить память об отце, которых Егор Петрович близко знал, натолкнули на эту мысль, но получилась не биография Блудова, а, по меткому выражению «Русского вестника» [3], – портрет, вставленный в очерк царствования императора Александра I.

Так получилось, что вычиткой книги о Блудове мы занимались в Питере, в юбилейный для книги год – 2016, сняв комнату в Коммуналке на Фонтанке. С удивлением обнаружили, что живем рядом с домом, в котором, согласно Адресной книге за 1867-68 гг. [1], жил Егор Петрович. Дом был слева от нас, если смотреть на Фонтанку, а справа – дом декабриста Николая Ивановича Тургенева (с надписью на мемориальной доске: «Здесь на квартире декабриста Николая Ивановича Тургенева в 1819–1824 годах проходили совещания тайных декабристских обществ»), с которым Егор Петрович полемизировал на страницах своей книги, решившись выступить адвокатом, уже по образному выражению «Отечественных записок» [2], в защиту Блудова, который был делопроизводителем Следственной комиссии по делу 14 декабря и подписал обвинительный доклад по итогам этого дела, чем вызвал негодование Тургенева, а за несколько лет до этих событий, по некоторым источникам, бывал в этом доме и вообще был хорошо знаком с Тургеневым по Арзамасскому обществу. Из окон дома, где жил Тургенев, можно увидеть Инженерный замок с его сложной архитектурой и такой же сложной историей, именно с него, где был убит Павел I, и начинается история царствования Александра Павловича. И почему-то становится понятным желание Егора Петровича распутать клубок сложных причинно-следственных связей событий и влияния на них характера самодержца, которые были исходной точкой всех перемен в 60-е 19 века, в то время, когда задумывалась и писалась эта книга, – невероятно долгожданной и неизбежной отмены крепостного права и постреформенных потрясений.

Выход этого тома¹ мы приурочили к памятной дате – 150 лет со дня смерти Егора Петровича, и *выражаем искреннюю благодарность* всем, кто способствовал этому:

Министерству иностранных дел Российской Федерации за поддержку проекта, Начальнику Архива внешней политики Российской империи Поповой Ирине Владимировне и сотрудникам Архива Волковой Ольге Юрьевне и Руденко Алле Владимировне за внимание и неоценимую помощь; коллективу Протопоповского УВК Дергачевского районного совета в лице учителя русского языка и литературы, завуча школы Худoley Светланы Владимировны, учителя украинского языка, краеведа Остапчук Надежды Федоровны, а также Мельниковой Людмилы Григорьевны, которой, к глубокому сожалению, уже нет среди нас, за большую организационную и научную работу по увековечиванию памяти писателя на его родине – в селе Ярошивка Харьковской области. Отдельная благодарность нашему другу Pascal Mourlhou за терпеливые разъяснения значений французских фраз из собрания Д.Н. Блудова.

¹ Пунктуация и орфография в настоящем издании приближены к современным нормам русского языка, географические названия и личные имена оставлены в тексте в написании предыдущего издания (СПб., типография Второго Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1866 г.) с сохранением всех встречающихся вариантов. Мы постарались устранить опечатки технического характера предыдущего издания. Примечания настоящего издания выделены курсивом.

Библиографический список:

1. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: в 5 отд-ниях. – СПб.: Гоппе и Корнфельд, 1867–1868.
2. Отечественные записки. – СПб., 1871. – Т. СХСV. – Современное обозрение. – С. 92–97.
3. П.Щ. // Русский вестник (Издаваемый М.Катковым). – М. Типография университета, 1867. – Т. 67. – Библиографические заметки. – С. 861–866.

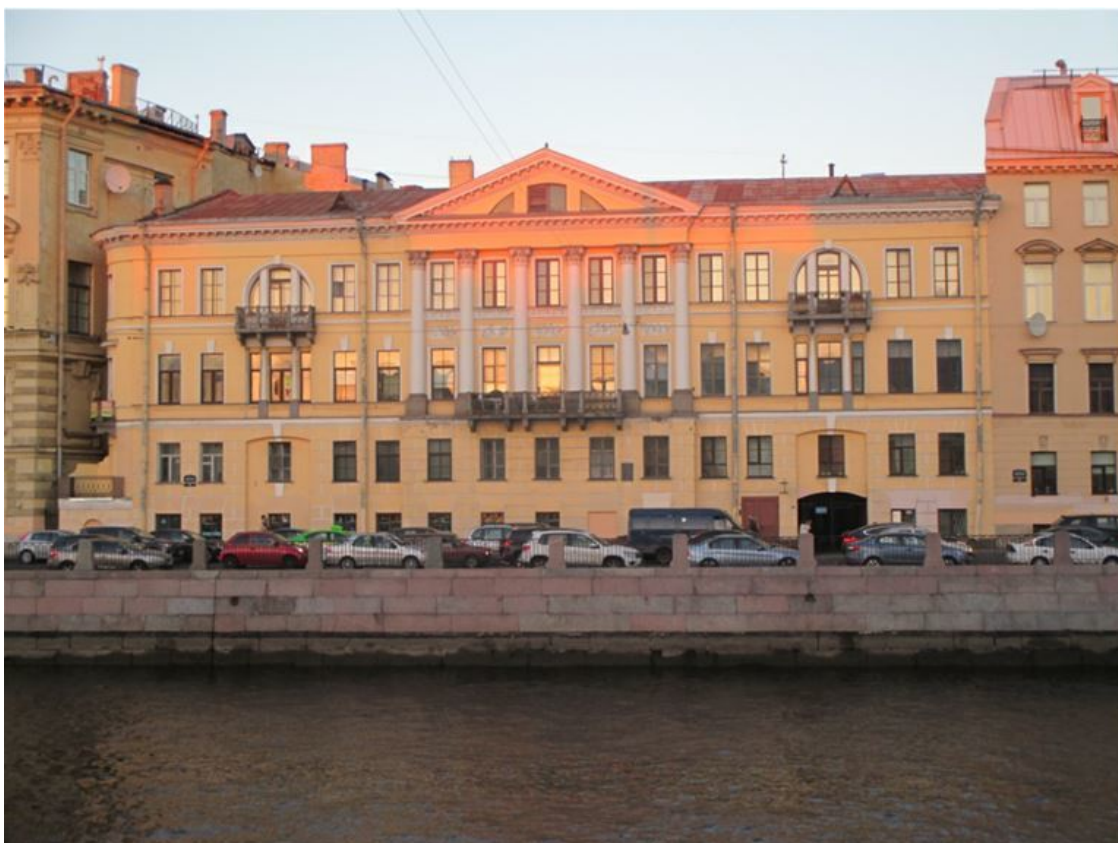

Фото. Вид на дом № 26, в котором жил Егор Петрович, со стороны Фонтанки. *Октябрь, 2016.*

Введение

*«Homo sum, humani nihil a me alienum puto». Terentius²
Санкт-Петербург 1866 г.*

Приступив к жизнеописанию графа Блудова, я вскоре убедился, что изображение лица, каково бы ни было его значение, взятого отдельно, вне общества, в котором оно действовало, вне условий, убеждений, увлечений его среды, наконец, вне тех людей, с которыми оно приходило в соприкосновение, – такое изображение останется всегда бледным, безжизненным, неполным, будет походить более на тень без образа и выражения, чем на живое лицо. Но если время и общество доставляют необходимый материал для обрисовки известной личности, то и биография ее во многом дополняет описание самого общества, особенно если это такая личность, как граф Блудов, которого всесторонняя деятельность обнимала собой более полувека, а необыкновенная его память служила важным пособием к уразумению многих событий.

Трудность работы, предпринятой по предначертанному нами плану, представилась при самом начале. Мы беспрестанно встречались с такими событиями, которых причины остаются вовсе неизвестными, да и самое одностороннее упоминание о них, в каком-нибудь акте, кажется темным, сомнительным; напрасно стали бы рыться в старых записках и книгах, чтобы проследить их, напрасно обращались бы к частным архивам лиц, которых семейства были причастны к событию: нам присылали иногда кучу хлама, но из него можно было извлечь разве одну строчку и то не прямо относящуюся к делу, а только подстрекающую на дальнейшие поиски, большей частью бесплодные; напрасно, наконец, вы обратитесь к оставшимся в живых действующим прежнего времени: если их двое, то непременно одному *помнится*, что это было *так*, а другому *кажется*, что это было *иначе!* Блажен, кто в таких обстоятельствах, не доискиваясь истины, обходит ее благоразумным молчанием. У нас очень мало частных записок (*Mémoires*), и те большей частью не изданы и рассеяны. Я должен упомянуть хотя о главнейших из них как для того, чтобы дать возможность читателю поверить мои сведения, так и для того, чтобы облегчить работу дальнейшим деятелям, занимающимся обработкой материалов царствования Императора Александра Павловича.

Архивы Государственный и Министерства Иностранных Дел представляют главный источник таких сведений. Подлинные письма, документы, официальные записки, наконец, донесения наших и иностранных министров служат драгоценными материалами. Заметим, что наши писатели обращали мало внимания на последние, между тем как в них находятся важные указания. В корпусе дипломатическом, без сомнения, всегда найдется выдающаяся личность, которой суждения, предположения, сведения, иногда, может быть, не верные, но направленные с другой исходной точки, служат важным пособием для проверки событий. Стройный порядок, в каком находится один из этих архивов и к чему стремится другой, и просвещенное содействие его ближайших начальников много облегчают работу. Здесь же находится несколько частных записок.

Мы не станем перечислять множество печатных сочинений и несколько записок, большей частью иностранных, относящихся к этой эпохе³, но укажем на неизданные. Едва ли не первое место занимает в числе материалов *дневник Логина Ивановича Голенищева-Кутузова*, веденный от 1806 до 1843 года с некоторыми пропусками во времени – 34 книжки в 12 долю; он писан по-французски и очень неразборчиво, почему, может быть, к нему и прибегают редко.

² Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. (*Пер. с лат.*) – *Прим. ред.*

³ Сюда же мы относим и русские, изданные за границей, часто в искаженном виде, или ходящие в рукописных списках и всем известные.

Записки Вигеля только отчасти известны публике, потому что печатаются с большими пропусками; пользоваться ими нужно с осторожностью и предварительной подготовкой. *Записки генерала графа Спренгпортена*, бывшего сначала в шведской, потом в русской службе, важны в отношении войн наших с Швецией и по описанию дел в Финляндии при ее завоевании. *Записки Левенштерна* имеют интерес салонный, если можно так выразиться. Первые три рукописи хранятся в Императорской Публичной Библиотеке; тут же есть несколько отдельных статей, бумаг, тетрадей, как например, захваченная *Чернышевым*, при взятии Касселя, переписка Наполеона, но они не представляют ни целостности, ни последовательности. *Записки И.И. Дмитриева* готовы к печати⁴. Из посмертных бумаг *Шишкова*, к сожалению, не все напечатано. Упомянем о *записках графа Бенкендорфа* и пожелаем, чтобы они были изданы в свет или по крайней мере переданы в Императорскую Публичную Библиотеку для общего пользования ими⁵.

Из частных, нам известных архивов, важное значение имеет архив графа Ростопчина, и мы очень благодарны графу Андрею Федоровичу за дозволение воспользоваться им, и архив гр. С. Гр. Строганова. Те, которые занимаются исследованием эпохи XIX столетия, конечно слышали о записках князя Чернышева и любопытных бумагах, оставшихся после графа Закревского⁶; последних нам не удалось видеть. Если действительно они существуют, то будем надеяться, что наконец сделаются доступными для публики, как и многие, еще находящиеся под спудом, материалы. О других, менее значительных, мы упоминаем в ссылках и выносках; некоторые до сего времени оставались неизвестными, как, например, *заметки Вилье*.

Собственно же для жизнеописания графа Блудова, нам служили оставшиеся после смерти его бумаги, сведения, доставленные его семейством и близкими к нему людьми, а также наши собственные воспоминания.

В заключение, искренно благодарим князя П. А. Вяземского и барона М. А. Корфа, доставивших нам много устных и письменных сведений, и многих других, содействовавших нашему труду.

⁴ Взгляд на мою жизнь: Записки д.т.с. Ивана Ивановича Дмитриева в 3 ч. Москва: изд. М.А. Дмитриев, 1866. – *Прим. ред.*

⁵ Из записок графа Мордвинова некоторые напечатаны за границей, другие рассеяны в рукописях, иные остаются неизвестными публике.

⁶ По всей видимости, речь идет о бумагах графа Арсения Андреевича Закревского. Эти бумаги, включающие обширную переписку графа с П.Д.Киселевым, П.М.Волконским, а также письма А.П.Ермолова, Д.В.Давыдова и многих других к нему, планировалось подготовить к публикации еще в 1865 году, но работа не была начата из-за смерти Арсения Андреевича. Бумаги были опубликованы в 1890 г. в Сборнике Императорского русского исторического общества под редакцией Н.Дубровина. В настоящее время размещены в открытом доступе на сайте РГБ. – *Прим. ред.*

Глава первая

Происхождение рода Блудовых. Детство и воспитание Д.Н. Блудова; мать и лица, имевшие влияние на него. Общество в Москве в царствование Императора Павла I-го; определение Д.Н. в службу; военная и гражданская служба того времени. Смерть Павла; общее впечатление. Коронация Императора Александра I-го. Настроение общества. Знакомство Блудова с Дашковым и Жуковским; стихотворение, писанное им и Жуковским. Первая любовь Блудова. Семейства князя Щербатова и графа Каменского.

По фамильным преданиям, Блудовы ведут род свой от Ивещея, во Св. крещении Ионы, Блудта, бывшего воеводою в Киеве в 981 году и умертвившего великого князя Ярополка. Блудт, впоследствии, кровью своей омыл преступление: служа верно России и великому князю Ярославу, он сложил голову в битве с королем Польским Болеславом храбрым. О сыне его Гордене Блудовиче, упоминается в древних наших песнях между богатырями великого князя Владимира. С тех пор до Татарского разгрома потомки Блудта служили великим князьям Киевским. Когда же Южная Россия присоединилась к Литве, род Блудтовых или Блудтичей разделился на несколько ветвей, из которых одна служила князьям Моравским, другая перешла в Польшу, а главная оставалась в Малороссии, сражалась под Гедемином против татар, и под Владиславом II-м Ягайлом, королем Венгерским и Польским, против турок, в битве под Варной, где Блудовы стяжали и герб свой, известный под именем Топач.

Отсюда предания переходят в историческую генеалогию, основанную на документах. Вскоре по смерти Владислава, гонение на русские дворянские роды, оставшиеся верными православию, заставили Феодора Блудта, или уже Блудова, со многими другими, покинуть Киев; он перешел в подданство великих князей Московских, с согласия Казимира IV и Александра Литовского, как упоминается в трактатах Великого Князя Василия Васильевича и Иоанна Васильевича III, Блудовы основались в своей Смоленской вотчине, около Вязьмы, где и до сих пор владеют небольшим имением. Внук Феодора, Борис, был послом Иоанна Васильевича при Крымском Хане Сайдет-Гирее. Игнатий Блудов служил товарищем князя Андрея Курбского, ходил под Казань и в Ливонию, бился с крымскими татарами и с войском Стефана Батория под Смоленском. Назарий Блудов, прозванный Беркутом, со своими вязьмичами, из первых отвечал на призыв Троицкого архимандрита Дионисия, выступив с ополчением к Лавре.

С тех пор история не упоминает о предках Блудова. Они сошли со сцены вместе с народными деятелями великой эпохи, и тихо жили в своих вотчинах, послужив по несколько лет отечеству, как бы для успокоения совести. Но предания о борьбе, страданиях и подвигах предков для охранения целости России и православной веры, хранились в роде Блудовых, переходя из поколения в поколение.

Граф Дмитрий Николаевич Блудов родился в 1785 году, 5-го апреля, во Владимирской губернии, недалеко от г. Шуи, в родовом имении, селе Романове, пожалованном его предку Назарию Беркуту Блудову первым Царем дома Романова, за участие его в походе Пожарского. В его народном войске, он начальствовал отрядом, был одним из подписавших договор между кн. Пожарским и кн. Трубецким. Граф Дмитрий Николаевич вспоминал, что почерк его предка был довольно тверд и правилен в сравнении с другими, что доказывало, говорил он, его грамотность. Отца он потерял в детстве, и почти не помнил его. О нем ничего особенного сказать нельзя: богатый дворянин Казанской губернии, служивший недолго, живший открыто, широко, расстроивший свое состояние псовой охотой и частью карточной игрой, он умер довольно молодым, простудившись в отъезде на поле. Мать, Катерина Ермолаевна, родом Тишина, из новгородских дворян, была женщина необыкновенной красоты, высокой нравственности, и очень умная.

Катерина Ермолаевна, воспитанная в твердых правилах и семейных преданиях, вполне понимала, что на ней лежала нелегкая ответственность и великие обязанности матери и помещицы, и мало помышляла о преимуществах и правах своего пола или сословия. Воспитанию осиротевшего сына и заботе об имениях посвятила она всю жизнь, отказавшись от второго брака, хотя осталась после мужа молодой, прекрасной собой вдовой. У нее была еще дочь, гораздо старше Дмитрия Николаевича. Она вышла замуж, за костромского дворянина Писемского, когда Дмитрий Николаевич был еще ребенком, а потому он рос и развивался одиноко под неусыпным надзором матери и под влиянием окружавшей его природы. Вся внешняя обстановка его детства устроилась так, что сильно действовала на его воображение. Хотя село Романово было отдано, по словесному завещанию, в приданое Писемской, однако Катерина Ермолаевна продолжала управлять им по-прежнему, отдавая доходы с него дочери, а потому Блудовы каждое лето ездили туда. Оно находится в уединенной местности; обширный сад, темная роща, спускавшаяся по скату горы до самой речки, дом и окрестности, полные исторических воспоминаний, – все это возбуждало к мечтательности ребенка. Впоследствии Дмитрий Николаевич особенно любил вспоминать, как он отправлялся в эту рощу и заслушивался до поздней ночи соловьев, и как часто поджидал он, что кто-нибудь откликнется на эти песни, кроме его собственного сердца, бившегося усиленно, или ноющего как-то странно и от этих песней и от всего, что чуялось ему в тиши, и вот, бывало, где-нибудь послышится гул или шелест, и сердце дитяти замрет страхом, – а все не хочется уйти из рощи.

В другое имение, в Казанской губернии, доставшееся по наследству от Новиковых, из рода которых была бабка графа Дмитрия Николаевича, они ездили реже. Отсюда вынес он другого рода впечатления. В то время еще свежи были следы Пугачевщины и Волжских разбойников, которые, как бы по завещанию Пугачева, наследовали и его занятия, и эту местность. Случилось даже, однажды, его матери отражать нападение этих разбойников, от которых так много страдало Приволжье. Две небольшие пушченки, служившие при обороне деревни и барского дома, еще существуют, только где-то в отвале, заброшенные, а еще во время детства Дмитрия Николаевича они играли важную роль; можно себе вообразить, каких рассказов переслушал он от дворовых людей и соседей о геройском поступке своей матери, спасшей от грабежа и убийств всю деревню при помощи этих пушек.

Дядя его со всем семейством погиб около тех мест от Пугачева, и еще долго, долго, до второго и третьего поколения, дети слушали с ужасом от старых служителей семейства, каким образом кормилица спрятала было грудного ребенка дяди, и думала, что его спасла; но шайка внезапно воротилась и один из злодеев, схватив за ноги ребенка, разможил ему череп об стену в глазах верной кормилицы. Об этом дяде граф Дмитрий Николаевич часто вспоминал. Между прочим, он рассказывал одно замечательное обстоятельство. Дядя его изучал хиромантию и иногда довольно верно угадывал по сгибам руки или чертам лица судьбу человека; он как-то познакомился с другим сведущим по этой части: единство предмета занятий и любовь к нему сблизили их; после некоторого времени, новый знакомец сказал ему, конечно, не без оговорок, что он в скором времени погибнет ужасной смертью. «Знаю, – отвечал дядя, – но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу и погибну безвинно, – для моего спокойствия мне больше и не нужно». Он погиб в следующем году, как мы сказали, от Пугачева.

Другой родственник графа Дмитрия Николаевича много прибавил имения благоприобретенного к родовому. Не на службе приобрел он его, а разными частными покупками, сделками и другими оборотами и спекуляциями, которых никогда общественное мнение не одобряло, хотя бы в них ничего противозаконного не было. Дмитрий Николаевич был его ближайшим наследником; но, по завещанию, только родовое имение досталось ему, а все приобретенное перешло в другие руки. «Слава Богу! – сказала его мать. – Я рада, что ни копейки этого сомнительно нажитого богатства не досталось тебе. От одной такой лепты все остальное было бы запятнано». Такого рода слова не пропадают даром для ребенка.

По бабке Дмитрий Николаевич приходился двоюродным племянником Державина, по матери – двоюродным братом Озерова. Их имена, конечно, повторялись часто в семье; стихи Державина читала ему мать; ребенок заслушивался их с тем же увлечением, как заслушивался соловьев в роще; воображение переносило его беспрестанно в мир иной и отвлекало более и более от мира положительного. Все это развило в нем характер пылкий, восприимчивый, страстный. К счастью, в молодости у него не было ни таких знакомств, ни таких связей, которые бы могли направить эти страсти на дурной путь. Заботливая мать зорко оберегала его, а врожденное чувство, развитое впоследствии образованием, отталкивало его от всего буйного, грязного, от оргий тогдашней молодежи. Поэтическое настроение преобладало в нем с ранних лет.

Катерина Ермолаевна переселилась в Москву, когда надо было заняться образованием сына, а лето, иногда, проводила в Подмосковной, которую, впрочем, граф Дмитрий Николаевич не очень любил и не удержал за собой. Она ничего не щадила для образования сына. Лучшие учителя, профессора университета и университетского пансиона давали ему уроки, которыми он вполне воспользовался. Память его поражала учителей, как впоследствии его знакомых. Он любил занятия научные, но со страстью предавался чтению: его нелегко было оторвать от какой-нибудь исторической книги; французским языком он еще в детстве владел как русским, чему обязан, отчасти, старушке французке, *madame Фовель*; она при нем находилась с детства в качестве гувернантки или, правильнее, няни; была не блистательного образования, но очень добрая и честная женщина, с чистым, правильным выговором. В то время французский язык считался принадлежностью каждого образованного человека, и не в одной только России. Англичане, так немилосердно коверкающие французские слова, в то время считали необходимостью для каждого джентльмена правильно и чисто говорить по-французски. Основательному же изучению языка Блудов обязан своему гувернеру, Реми, человеку ученому, который внушил ему страсть к занятиям, более серьезным и любовь к греческому и латинскому языкам, которые он не забыл до старости; но самое сильное на него влияние, в детстве, имел другой эмигрант, граф де-Фонтень; это был человек блистательного ума, глубокого образования и, вместе с тем, с изящными манерами высшего светского французского круга; он сильно пострадал во время революции, лишился не только состояния, но многих близких родных и друзей, что конечно возбуждало еще более участия молодого человека, который искренно привязался к нему. Граф де-Фонтень был гувернером у сестры Каменского, и иногда посещал московское общество, где, как и все эмигранты, был принят с искренним радушием; Блудов, оставлял для него игры и танцы молодежи и, забившись куда-нибудь в угол, проводил целые вечера с пожилым собеседником, который рассказывал ему то о блистательном цикле французских энциклопедистов, восторжествовавших над предрассудками века и касты, то о французской литературе, вообще имевшей в то время сильное влияние в Европе, то, наконец, об ужасах революции. Истинно великодушные порывы и блистательные заблуждения первых ее годов, привлекавшие к себе сочувствие многих молодых людей, в том числе Карамзина, не могли иметь влияние на Блудова: он их не понимал, потому что в то время был еще ребенком; впоследствии же, под влиянием людей, подобных графу де-Фонтень, французская революция оставила в его, едва пробуждавшемся уме, впечатления тех страшных лиц и событий, которые рисовал пред ним де-Фонтень, а несчастные страдалцы-эмигранты, окружавшие его, служили живым подтверждением слов рассказчика и свидетельствовали о грубом насилии, заменившем всякую законность во Франции.

Блудов принадлежал к тому древнему, русскому, коренному дворянству, которое жило из рода в род в провинции, вдали от двора, близко к народу, знало его, помогало в беде и нуждах не по одному своекорыстному расчету, а по сочувствию к той среде, в которой постоянно находилось. В этом дворянстве, чуждом интриг боярской думы и царского двора, жила и живет безусловная преданность престолу, тесно связанная с его религиозным верованием и любо-

вью к отечеству. Подобно крепостному сословию, оно оставалось в стороне от политических и дворцовых потрясений, но, когда могло, противостояло олигархическим замыслам боярских родов, бескорыстно, не выторговывая для себя у царей ни льгот, ни наград. Это направление провинциального дворянства, засвидетельствованное веками, проявилось в последнее время при освобождении крестьян; в этом деле оно усердно споспешествовало и помогало Государю, неся потери более чувствительные для него, чем для богатых, знатных родов дворянства русского. Конечно, оно, отерпевшееся и окрепшее в бедствии подобно народу, скорее сольется с ним, и представит надежный оплот Государству.

В молодости, у Блудова эти понятия, эти сословные чувства были сильно развиты; влияние мигрантов, столько же как и матери, подняло их до более сознательных начал приверженности к монархическому принципу, как понимают его на западе, и впоследствии, когда двое сыновей его уже подрастали, он часто говаривал: «Если и России суждено пройти через кровавые перевороты, то я благодарил бы Бога, если бы одному из моих сыновей выпала участь Стаффорда, а другому Монтроза». А дети, конечно, ему были дороже всего на свете. Эти чувства он сохранил до конца жизни, и последние слова и мысли его были обращены к России и Государю.

Кроме французского и отчасти древних языков Дмитрий Николаевич хорошо знал язык немецкий и итальянский; по-английски он научился, когда уже был советником посольства в Лондоне, без пособия учителя, при помощи лексикона и романов Вальтер-Скотта, и хотя не мог или, лучше сказать, не решался говорить на нем, однако читал все, что выходило нового в английской литературе. Страсть к театру была господствующей в нем в молодости. Он мог прочесть наизусть целые тирады, почти целые трагедии Озерова и Рассина и в этом случае память не изменяла ему до глубокой старости; но при всей страсти к театру, он никак не решался проникнуть в тайны закулисного мира, куда стремятся многие, куда и его увлекали: он боялся разочарований.

Время переезда Блудовых в Москву было время тяжелое. Москва притихла и приуныла еще более других русских городов. Не слышно было обычного разгулья, даже не видно было веселых лиц. Если и давались иногда праздники, то это по приказу, куда являлись не для веселья, а страха-ради, чтобы не попасть в ответ за ослушание. Первопрестольная столица была наполнена людьми действительно знаменитыми или временщиками предшествовавшего царствования; они находились в опале, но были еще довольно счастливы, что избежали изгнания, более отдаленного.

Тут жили фельдмаршал Каменский, бывший канцлер Остерман со своим братом, славный Еропкин, герой Москвы, избавивший ее от страшного врага – чумы, Юрий Долгорукий, прежний начальник Москвы князь Голицын, обер-камергеры братья Куракины, из которых один бывший вице-канцлер и множество других. Все они, как и самый город, старый и величавый, находились под строгим, зорким надзором обер-полицмейстера Эртеля, одного из неумолимых и непреклонных офицеров Гатчинских; от этого надзора не был изъят и тогдашний генерал-губернатор Салтыков, над которым влияние Эртеля тяготело еще более, чем над другими.

Катерина Ермолаевна Блудова жила уединенно, в ружейной улице⁷, близ Смоленского рынка, на Арбатской, у Благовещения на бережках, в собственном доме. Она была очень дружна с женой фельдмаршала Каменского, который жил рядом с ее домом⁸. Виделись они каждый день, когда обе жилали в Москве; Блудова устроила калитку в своем саду, прямо в сад Каменской, так что не нужно было делать для этого неизбежных в то время выездов, а этикет никак не позволил бы жене фельдмаршала показаться пешком на улице; суровый фельдмаршал, большей частью и не знал об этих ежедневных свиданиях. Между тем, Дмитрию Никола-

⁷ Ружейный пер. – улица в центре Москвы между Смоленским бульваром и Плющихой. – *Прим. ред.*

⁸ Смоленский бульвар, дом 17. – *Прим. ред.*

евичу минуло уже 16-ть лет. Он кончил свое образование дома: надо было думать о поступлении на службу, что составляло предмет важной заботы для матери, посвятившей всю жизнь свою сыну, и обе подруги часто толковали об этом.

При Екатерине II, дворяне, почти исключительно, поступали в военную службу, считая для себя унижительным канцелярские и другие приказные обязанности. Коллегии, приказы, управы были наполнены семинаристами, детьми духовных или таких же приказных, составлявших как бы особое племя. Жизнь их была трудовая и доля незавидная. Беспрестанные войны заставили правительство поддерживать и даже усиливать наклонность русского дворянства, дарованием военному сословию новых прав и преимуществ, которыми не пользовались поступающие в гражданскую службу. Ряд побед и завоеваний славного царствования Екатерины II весьма естественно возвысил еще более звание военных; на них смотрели как на избранников государства. Жизнь военная тогда была полна или боевых тревог и опасностей или совершенного разгула, к сожалению иногда доходившего до невероятного в наше время буйства: случалось, например, какому-нибудь хмельному ротному командиру штурмовать жидовское местечко в своем собственном отечестве, – все сходило с рук: не смели и подумать заводить с ним дела. Но при Императоре Павле Петровиче пошло иначе. Строгая дисциплина, постоянное учение, фронт, выправка, взыскания и наказания, переходившие всякие пределы, заставили дворян бежать из военной службы, которая и в мирное время представляла более опасностей, чем прежде самая война. В предупреждение «такого самовольства дворян» Император Павел запретил им начинать службу иначе, как в военном звании; исключение сделано было только для коллегии иностранных дел, где в то время был первоприсутствующим граф Растопчин, пользовавшийся неограниченным доверием Императора Павла.

Дмитрий Николаевич Блудов, записанный дядей своим, поэтом Державиным, подобно другим столбовым дворянам, чуть не с пеленок, в Измайловский гвардейский полк, давно уже был из него уволен по просьбе матери. Надо было хлопотать о помещении в гражданскую службу, сообразно его наклонностям и образованию. При содействии Каменских и родственных связях с Наумовым, другом Бантыш-Каменского, удалось поместить его в московский Архив государственной коллегии иностранных дел, находившийся под начальством Бантыш-Каменского. Здесь, необыкновенные способности и знание иностранных языков Блудова очень скоро обратили на него внимание. В 1800 году (июля 5-го) он поступил юнкером в Архив, через полгода произведен был в переводчики, а 14-го октября 1801 года в коллежские ассессоры.

Вероятно, вследствие дарованного московскому Архиву права, он был наполнен молодыми людьми лучших фамилий, желавших избежать тягостной военной службы, и приобретших впоследствии известность в московском обществе под названием архивных юношей. Они, впрочем, не успели вытеснить прежнее поколение чиновников, да едва ли и могли, потому что и в Архиве коллегии иностранных дел, особенно при тогдашних его начальниках, необходимы были труженики и дельцы. Он представлял в то время самое странное смешение служащих. Вигель, в своих записках, оставил нам любопытное описание его; тут были: князь Гагарин, граф Мусин-Пушкин, и с ними за одним столом семинарист в фризовой изношенном сюртуке. Тут были, между прочими, два брата Тургеневых – Андрей и Александр и впоследствии Дашков, с которыми Блудов сблизился более других. Вигель, поступивший после долгих ходатайств и мытарств также в московский Архив, в своих записках не щадит никого из прежних товарищей, ни пролетариев, ни аристократов; только для Блудова и Андрея Тургенева, к сожалению, так рано умершего, делает исключение. О Блудове он отзывается с каким-то увлечением, вовсе ему не свойственным. По его собственным словам, Блудов, своим блестящим умом, сделал на него впечатление необыкновенное. Слушая его, он постоянно находился под магическим влиянием его слова.

Не менее резкую противоположность составлял и начальник относительно этой блестящей молодежи.

Московский Архив состоял из трех отделений, более или менее зависящих от Бантыш-Каменского. Одним из них управлял ученый Стритер, тогда уже дряхлый старик, другим – Соколовский едва ли моложе его и третьим – сам Бантыш-Каменский; в это отделение попал Блудов. Бантыш-Каменский – племянник известного архиепископа московского Амвросия Зартыс-Каменского, убитого разъяренной чернью во время московской чумы, – жил у дяди во время этой страшной катастрофы и сам от нее жестоко пострадал; избитый, он брошен был на улице, где чья-то благодетельная рука спасла его. От этого памятного события у него осталась на всю жизнь глухота, непримиримая ненависть к черни, затаенная злоба к знати, постоянное раздражение и подозрительность против всех. Он был брюзглив, но не жесток, как говорит Вигель, строг, и взыскателен к подчиненным; жил в архивной пыли, работал, трудился, знакомство и дружбу вел только с монахами и архиереями.

Блудов был доволен своим положением; но вдруг пронеслась по архиву грозная весть, всполошившая всех служивших в нем, будто Император Павел, узнавши о чрезмерном числе сверхштатных чиновников, приказал их разместить по полкам, оставивши только необходимое число для занятий. По-видимому, это произвело панический страх между служащими и их родными. Вот, что пишет Катерина Ермолаевна Блудова к Наумову, находившемуся, как мы сказали, в дружеских отношениях с начальником Архива, Бантыш-Каменским и принявшему участие в Дмитрие Николаевиче:

«Один Бог может проникнуть оскорбленное сердце мое, которое стеснено вчерашней вестью». Далее, сказавши, что оставлены будут в Архиве, вероятно те, которые имеют сильных заступников и покровителей, а такие есть у большей части служащих, она прибавляет: «а сын мой, кроме слез бедной своей матери, никого не имеет. Если она от горести и дух свой испустит у крыльца Николая Николаевича (Бантыш-Каменский), кто возрит на умирающую вдову и подвигнут будет к сожалению». Умоляя Наумова именем той горячей любви, которую к нему питала мать его, вступить за сына, она просит «хотя о той милости, чтобы заранее была я уведомлена о судьбе сына моего: может быть его назначат на край света в полк, куда горестная мать должна будет за ним последовать, то хоть бы меры я могла взять для устройства своего имени. Пойми грусть бедной твоей родственницы», и проч.

И в этом случае ее искренний, верный друг, графиня Каменская, ходатайствует и просит вместе с нею; но к счастью их обеих, опасения оказались напрасны и слухи несправедливы: все осталось в прежнем виде и Архив переполнялся молодыми людьми.

Бантыш-Каменский не оставлял праздным многочисленное общество своей блестящей молодежи, большей частью числившейся сверх штата; ей нечего было делать в самом Архиве, а потому он, вместе с Малиновским, придумал другие занятия, заставляя переводить иностранных писателей. Из этих переводов составилась огромный писанный том, хранящийся в Императорской Публичной Библиотеке и носящий такое странное заглавие «Дипломатические статьи из Всеобщего Робинстонова Словаря перев. при московском Архиве, служащими благородными юношами в 1802, 1803, 1804 и 1805 годах под надзиранием Статского Советника Алек. Малиновского», как видно в то время слову благородный (конечно по происхождению) придавали большое значение. Блудов выступает в этом сборнике на литературное поприще со следующей статьей: «О союзах заключенных между государствами, перев. Коллежским Ассессором Блудовым (ст. XII, стр. 193–232). Надо сознаться, что как эта статья, так и большая часть других не отличаются ни правильностью слога, ни легкостью речи.

Много нужно было трудиться Блудову, чтобы выработать свой слог, а что он владел им вполне, это мы видим из его исторических трудов и некоторых манифестов; но конечно еще больше труда ему было совладать со своим характером, чрезвычайно пылким. Его быстрый, острый ум нередко увлекал его к возражениям метким и колким, навлекавшим ему вражду

людей, с которыми он случайно сходил. Те, которые знали Дмитрия Николаевича впоследствии, могли убедиться до какой степени изменился этот характер. Конечно, много способствовали к тому тесная дружба с Карамзиным и Жуковским, людьми в высшей степени кроткими и благодушными, а впоследствии времени, влияние его жены. Дружба с Дашковым, человеком твердым, положительным и неуклонных убеждений была полезна в другом отношении, и для них обоих: они, так сказать, дополняли собой один другого.

С Жуковским он сошелся с ранних лет: их свел Дашков, который вместе с Жуковским воспитывался в благородном пансионе, находившемся при университете и даже отдан ему, как старшему, под наблюдение. Любовь к литературе и театру сблизила их; первое знакомство вскоре заменилось тесной дружбой, которой они остались верны до самой смерти. Они не только читали, но часто сочиняли вместе, то увлекаясь воображением в те заоблачные или таинственные страны, в которых потом Жуковский черпал свое вдохновение, то опускаясь к самым земным предметам. Едва ли не первое стихотворное произведение Блудова написано им обще с Жуковским; это была песня «объяснение портного в любви» и вот что послужило к ней поводом: между архивными товарищами Блудова был некто Л-у, сын портного; что этот Л-у был влюблен, это вещь весьма обыкновенная, особенно для немца, но он был влюбленный дикого свойства и сильно надоедал товарищам и особенно Блудову своей любовью. Жуковский не служил в Архиве. Он поступил на службу в какое-то странное место, над которым сам очень трунил: если не ошибаюсь, в московскую соляную Контору⁹; Л-у знал он через Блудова. Вся песня состояла в применении разных предметов портняжного мастерства к объяснению в любви; тут были стихи в роде следующих:

Нагрето сердце как утюг! или
«О ты, которая пришила
Меня к себе любви иглой
Как самый крепкий шов двойной».

Кончалась песня словами:

«Умрет несчастный твой портной».

По какому-то странному случаю песня эта, конечно не предназначавшаяся для печати, попала в старинные песенники; но еще страннее, что автором ее назван сам несчастный Л-у, осмеянный в ней.

Литературная деятельность Жуковского начинается гораздо ранее, и именно с 1797 года (ему было тогда 15 лет); если даже мы и не согласимся с Полторацким, что четверостишие на рождение Великого Князя Николая Павловича, напечатанное в журнале «Муза» 1796 г. и помеченное буквами В.Р., принадлежит ему. Впрочем, сам Жуковский признает первым своим напечатанным стихотворением «Сельское кладбище» переведенное с английского, поэта Грея. Отсюда, действительно, начинается его известность.

В одно печальное утро, когда над Москвой носились темные тучи, а в Москве пуще обыкновенного свирепствовал Эртель, проходившие по улицам увидели промчавшегося фельдъегеря: как ни обыкновенно было в то время это явление, но оно всякий раз возбуждало тревожные опасения: «кого еще?»... со страхом спрашивали друг друга. На этот раз фельдъегерь остановился не у квартиры Эртеля, а у дома генерал-губернатора. Не прошло и нескольких минут, как вся Москва узнала о смерти Императора Павла I-го и восшествии на престол Александра Павловича. Тот же фельдъегерь привез указ о смене Эртеля?

⁹ Главная соляная контора. – Прим. ред.

Для России воцарение Императора Александра I-го было зарею пробуждения. Трудно представить себе Государя и человека так щедро одаренного природой и с таким блестящим образованием как Александр I-й. Современники свидетельствуют, что при известии о его воцарении, на улицах, люди незнакомые между собой, друг друга обнимали и поздравляли... В манифесте своем он объявил, что будет править Богом врученным ему народом, по законам и по сердцу премудрой бабки своей Екатерины Великой, и первым действием его было освобождение всех, содержавшихся по делам Тайной экспедиции в крепостях и сосланных в Сибирь или в отдаленные города и деревни России под надзор местных властей, и уничтожение самой Тайной экспедиции. Рассказывают, будто Алексей Петрович Ермолов, выходя из Петропавловской крепости, написал на стене «свободна от постоя». Государь, узнавши об этом, сказал, «желаю, чтобы навсегда».

Блудов и Жуковский были дежурными у раздачи или предъявлении билетов при входе на Кремлевскую площадь при коронации Императора Александра и оба любили вспоминать об этом знаменательном для России событии.

Все с каким-то напряженным нетерпением ожидали этого дня, по некоторым обстоятельствам отсроченного. Народ отовсюду валил в Москву. Успели прийти и приехать толпами возвращенные из Сибири. Утро не обещало хорошей погоды; небо было пасмурно, но при выходе Царственной четы из собора порывом ветра сорвало с неба последние тучи, покрывавшие солнце, и торжественное шествие предстало во всем блеске. Государь был заметно взволнован при виде этой массы народа, представительницы всей России, с благоговением, с покорностью преклоненной перед ним, на одного его возлагавшей все свои надежды. Еще недавно малейшее проявление к нему приязни навлекло бы подозрение на тех, кто не боялся выразить ее, а таких смельчаков конечно было немного. В лице Государя было более задумчивости, робости, чем смелости; он как бы чувствовал всю важность, всю тяжесть царской власти, которую принял; не с самонадеянностью и гордым величием шел он; не страх внушали его взгляды, кроткие, приветливые, но беспредельную любовь, сочувствие и готовность на самопожертвование. Каждый мысленно ободрял его: «Смелее! Смелее! Верь, что господство дикой власти менее надежно, чем господство разума, что проявление благотворного добра в нравственной жизни народа, так же необходимо, как проявление солнечной теплоты в царстве растительном. Смелее, смелее – Бог милостив, мы за тобой!» По осанке и походке Александр напоминал собой свою державную бабу, особенно улыбка его была также очаровательна как у Екатерины; старые сподвижники ее глядели на юного Государя с какой-то суеверной любовью.

Легко себе вообразить, чего не передумали, чего не переговорили между собой двое молодых дежурных в их поэтическом настроении!

Для Блудова время коронации было знаменательно и в другом отношении: он влюбился! Это была его первая любовь и последняя; любовь страстная, сильная, которую не только не охладили всевозможные препятствия, но еще более разжигали, любовь, которой он ни разу не изменил в течение всей жизни, которая сохранила его от многого дурного и пробудила не одно благородное чувство. Ему было тогда 17 лет. У фельдмаршала Каменского он встретился с семейством князя Щербатова. Дом графа Каменского на Зубовом бульваре, где нынче помещается Земледельческое училище, принадлежал к тем старинным боярским домам, которых более не встречается и в Москве; он даже и в то время поражал чудовищною роскошью. Около старого фельдмаршала образовалось нечто в роде своего двора: управляющие, секретарь, приживатели и приживательницы, хвалители и потешатели его в различном роде, няни, мамки, калмычки, турчанки, подаренные ему или взятые в плен, воспитанные кем-нибудь из членов семейства, наполняли дом, где властвовал он сурово и деспотически. Как-то уродливо здесь смешивалась азиатская роскошь с утонченностями европейской жизни, представления французских пьес, с обрядовыми песнями сенных девушек. Русская старина была ключом из-под западной коры, которая не могла вполне даже прикрыть ее, – не то, что сдержать.

Граф Каменский был женат на княжне Анне Павловне Щербатовой, одной из первых красавиц своего времени. Князь Андрей Николаевич Щербатов, дядя Каменской, приехавший в Москву по случаю коронации Государя Александра Павловича, остановился в доме фельдмаршала. С ним были обе его дочери: старшая, Анна Андреевна, уже блистала в большом Петербургском свете и при дворе, где она была фрейлиной при Императрице Марии Феодоровне; в ней находили сходство с Елизаветой Алексеевной, особенно по той грации и всепобеждающей доброте в выражении лица и улыбке, которыми умела обворожать Императрица. Меньшая дочь, Марья Андреевна, была еще ребенком, но ребенком любимым и балованным своей матерью нередко в ущерб старшей дочери. Анне Андреевне было тогда уже 23 года; она обходилась с 17-летним Блудовым, как с мальчиком, которого в доме графа Каменского любили все, и принимали за семьянина, вместе они играли на домашнем театре, вместе читали. Молодой девушке нравился его блестящий, остроумный и пылкий разговор, столь не похожий с тем, к которому приучили ее балы большого Петербургского света. Она привыкла к его некрасивой наружности, и вскоре они сблизились, хотя в то время ей и в мысль не приходила возможность брака.

От зоркого взгляда матери Блудова не скрылось это взаимное сближение, но она знала непреклонный характер княгини Щербатовой, и потому пока молчала; только своему другу, графине Каменской, поверила она тайну и та горячо приняла ее к сердцу. Напрасны однако были все ее усилия. Гордая именем мужа (по рождению она принадлежала к польской фамилии Яворских), Щербатова слышать не хотела об этом браке, считая его унижением своей знатной фамилии. Она была умна, почти вдвое моложе своего мужа и очень хороша собой, и потому имела неограниченное влияние в семействе. В течение одиннадцати лет она останавливала всякие попытки победить ее родовые предрассудки; эти попытки только раздражали ее и охлаждали к молодым людям.

В то время в собственном семействе Каменских развивалась драма, основанная на любви и связанная также с семейством князя Щербатова, но имевшая иную, печальную развязку. Младший сын фельдмаршала, Николай Михайлович Каменский, известный победитель шведов, был утешением матери в семейных горестях, которые она переносила терпеливо и безропотно. В детстве, во время пребывания его в Петербурге в кадетском корпусе, он отдан был на попечение князя Щербатова. В семействе его воспитывалась по прихоти жены вместе с дочерьми и наравне с ними, дочь ее экономки, известная под именем Елизаветы Карловны. Девушка была молода и хороша; молодой кадет был также очень хорош собою: они влюбились друг в друга. Любовь росла и развивалась с годами: Каменский решил на ней жениться. Легко себе вообразить какую страшную бурю возбудило бы это известие, если бы дошло до фельдмаршала. Он понимал любовь по-своему; он допускал, что можно любить кого угодно и как угодно, но жениться должно только под известными условиями, что, наконец, брак нисколько не препятствует мужу иметь посторонние связи и сам пользовался этим мнимым правом вполне, хотя жена его была редкой красоты и доброты, а женщина, для которой он ею пожертвовал, свела его в могилу: он был убит своими крестьянами в деревне. Мать Елизаветы Карловны, испугавшись пагубных последствий, поспешила отдать бедную девушку замуж за чиновника К. Вскоре, молодому Каменскому представили другую выгодную партию: невеста его была из самого богатого и знатного рода в России; говорили, что она была влюблена в Каменского; вообще, его привлекательная наружность, его молодость, громкая воинская слава кружили головы многих женщин; но Каменский оставался верен своей первой любви до самой смерти Елизаветы Карловны, которая недолго прожила замужем. Тогда, равнодушный ко всему, он не сопротивлялся более настояниям матери. В семействе уже заказан был богатый образ, весь в жемчуге

и бриллиантах, чтобы благословить новобрачных (этим образом благословили другую чету), но избранная невеста, гр-я О-Ч¹⁰

¹⁰ Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская. – *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.